

КАЛМАКИ ДЕШТ-И-КЫПЧАКА XV–XVI в. И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Начало взаимоотношений России с калмыками принято относить к последним годам XVI — началу XVII в., когда русские первопроходцы Сибири встретились с продвигавшимися на запад из Монголии и Джунгарии ойратами. Тюркоязычные среднеазиатские народы, татары и ногаи, называли восточномонгольские кочевые племена «калмаками». В наиболее ранних русских документах встречается и среднеазиатская форма этого этнонима — «калмак», а также русифицированное название — «калмык»¹.

Систематическое упоминание о калмыках (калмаках) в русских Сибирских летописях начинается в конце XVI — начале XVII в. В Строгановской летописи рассказывается о нападении на Кучума в 1582 г. остяков и вогуличей: «Он же не веде, где от них детися, и побеже в колмацкия улусы и бегая подсмотри тамо конские стада и отгна... калмаки же ощутиша его и погнаша в след его и кони свои отполониша; он же едва у них утече и оттоле бежав в Нагайскую землю»². В Сибирских летописях говорится о конфликтах Кучума с «калмаками» в 1591 и 1598 г. Кроме того, упоминаются крепости, построенные для защиты от «калмаков». Среди прочих народов, проживающих в Сибири, о которых слышал Ермак, говорится и о «калмаках»³. У автора первой «Истории сибирской», а также «Описания Сибири» С. У. Ремезова «калмаки» впервые упоминаются под 1604 г. [Гольденберг, с. 229–232].

Самые ранние архивные документы, повествующие об ойрат-калмыках, относятся к концу 90-х годов XVI в. В царской грамоте от 1 января 1597 г. сообщается о битве Кучюмовых людей с колматцкими людьми на озере Иссык-Куль летом 1596 г. «за то, что колматцкие люди хотели от Кучюма царя отъехать прочь... на том де их бою убили у Кучюма царя 3-х человек...»⁴. В 1598 г. воевода г. Тара узнал от разведчиков, что «к верховьям Оби прикочевали с юга 500 калмыков» [Колесник, с. 41]. Однако первые встречи русских сибиряков с ойрат-калмыками документально подтверждаются лишь начиная с 1606–1608 г., когда были осуществлены первые взаимные посольства в г. Тара и степи близ оз. Зайсан [История Калмыкии, с. 412]. В это же время, как считается, с ойрат-калмыками впервые встретились и ногаи, но произошло это значительно западнее, на р. Эмба, в 1607 и 1608 г. [Трепавлов, с. 412].

При всей кажущейся очевидности времени появления калмаков в восточном Дешт-и-Кыпчаке и о возникновении русско-калмыцких контактов в начале XVII в. существует ряд источников, указывающих на наличие здесь народа, который тюрки именовали «калмаками» задолго до этого.

До настоящего времени первым сообщением о калмыках в русских летописях считается хрестоматийная фраза из Строгановской летописи, в которой цитируется указ Ивана IV от 30 мая 1574 г., предписывающий Строгановым торговать с калмыками и другими народами беспощинно:

¹ В «Словаре» В. В. Радлова приводятся тюркские формы: «калмак» (среднеазиатские диалекты), «калмик» (волжские диалекты; отсюда и русское слово) и «калмук» (османское; отсюда крымско-татарское выражение «калмук-и бад-махлук» («злонравные калмыки») [Радлов, с. 272-273]. Данная работа посвящена тем восточным монголам, история которых была связана со Средней Азией и Казахстаном до их расселения на Волге, то есть именно калмакам, а не волжским калмыкам. Однако, следуя источникам и традиции, я вынужденно в зависимости от контекста употребляю оба написания: «калмак» и «калмык».

² Сибирские летописи. Рязань, 2008. С. 80.

³ Там же. С. 60, 111, 179, 242, 261, 316, 342, 351, 352.

⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1. С. 298; Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской Академии наук. Пг., 1919. Вып. 1. Сер. 6. Т. XIII. С. 1081.

«А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно»⁵. При традиционном толковании этот документ сам по себе труднообъясним, так как из него следует, что царь повелевает предпринимателям, еще только начинающим освоение Урала, торговать с народом, который даже далеко на востоке, в Сибири, появится лишь через несколько десятилетий. Не убедительны в этом случае объяснения, что ойраты, именуемые калмаками или калмыками, в то время начинают изредка совершать на запад набеги и эпизодически проникать в Южную Сибирь. В этом случае требовалось бы остерегаться иноземных кочевников и строить оборонительные сооружения от них.

Как справедливо указано в примечаниях к публикации этой летописи по Толстовскому списку, «казанские орды» здесь написано ошибочно, так как в этой же летописи по Спасскому списку вместо «казанские орды» сказано: «...торговые люди Бухарцы и *Казацкие орды* и иных земель...»⁶. Действительно, торговли с казанскими ордами после взятия Казани уже не могло быть, казанских орд не существовало, и речь могла идти только о казацких ордах. Здесь присутствует не случайный перечень народов, с которыми предписывается торговать, а давно сложившаяся торговая цепочка от Бухары через земли казахов и калмаков.

Очевидно, что в указе имелись в виду калмаки, жившие не в Монголии, а в Дешт-и-Кыпчаке. С освоением Пермского края открывались новые торговые пути на Бухару через Южный Урал и Мугоджары. Дорога эта проходила через земли казахов и калмаков, поэтому в указе казацкая орда, калмыки и бухарцы связаны. Строгановы начинали осваивать новые для России земли Пермского края в Предуралье, калмаки находились к югу от Уральских гор — на полпути от Пермского края до Бухары. Поэтому они и упоминаются вместе в одном документе.

Еще более противоречивыми выглядят контакты ойрат-калмыков с ногаями. Динамика продвижения ойратов на запад показывает, что в начале XVII в. они находились в верховьях Иртыша и только еще начинали свой путь на запад. В конце 20-х годов XVII в. ойрат-калмыки располагали свои кочевья на Эмбе и Яике, в начале 30-х годов XVII в. достигли Волги, но окончательно поселились в Поволжье в 50-х годах XVII в. [Колесник, с. 40–43]. При этом первые столкновения ногаев с калмаками на Эмбе отмечаются еще в 1607, 1608 г. [Трепавлов, с. 412].

В 1578 г. на «коронационном» съезде ногайской знати была подтверждена задача Ногайской Орды, ставшая к этому времени уже постоянной заботой, «стояти против колмаков» [Трепавлов, с. 371, 372]. В 1560 г. астраханские стрельцы встретили и пленили «калматских людей многих» в районе Сарайчука, то есть в низовьях Яика [Трепавлов, с. 372]. Раньше, в 1556 г., ногайский бий Шейх-Мамай, основатель Алтыульской Орды, которая занимала восточный форпост ногайских владений, извещал Ивана IV об отражении нападения калмаков, а еще в 1535 г. ногайские мурзы всю зиму ожидали нападения калмаков «в заставе за Яиком, на реке Еме (Эмбе)» [Трепавлов, с. 204].

Эти данные противоречат общеизвестному факту, подтверждаемому многочисленными источниками, о приходе ойрат-калмыков на юг Западной Сибири в начале XVII в., а на Южный Урал и в Поволжье — в конце 20-х — 30-х годах XVII в. Поэтому они обычно рассматриваются как свидетельства начала откочевки ойратов из Джунгарии [Златкин, с. 75] и редкого эпизодического появления ойратов во второй половине XVI в. в пределах казахских и ногайских кочевий. Постоянно же ойраты обитали к западу от Монгольского Алтая, то есть в Западной Монголии и Джунгарии [Колесник, с. 40].

⁵ Сибирские летописи. С. 54.

⁶ Там же. С. 7.

Однако ряд средневековых документов, в том числе русских и западноевропейских, позволяет сделать вывод, что о калмаках не только знали на Руси задолго до знакомства с ойратами, но и обитали они не рядом с Китаем, а где-то по соседству с Московией.

В сборниках Софийской новгородской библиотеки находится текст, датируемый первой третью XVI в., содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарьским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахии, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзустан, Обези, Гоурзии, Багдат, Темирькабы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, *Калмакы*, Ногаи, Шибаны, Казань» [Казакова, с. 253]⁷. Автор начала XVI в., как видно из списка, «Калмакы» включил в перечень татарских земель наряду с Крымом, Астраханью, Сараем, Азовом, Ногаями (Ногайской Ордой), Шибанами (землями кочевых узбеков) и Казанью (Казанским ханством). Упомянутый в данном перечне Китай не выпадает из контекста, так как «Китаем» могли называть территории кара-китаев в Центральной или Средней Азии.

В «Книге Большому Чертежу», переписанной в 1627 г. с оригинала, который «сделан был давно, при прежних государях», указано, что «промеж реки Кендерлик и реки Сарысу, козатская кочевая орда, да *колмыки*»⁸. А. И. Макшеев идентифицировал эти гидронимы и локализовал указанную территорию в Казахском мелкосопочнике [Макшеев, с. 130]. Следовательно, в конце XVI в. калмаки вместе с кочевыми казахами обитали в Сары-Арке (Казахский мелкосопочник) к северу от Аральского моря. Это дает объяснение часто приводимому факту, что казахский хан Тевекель в переписке с Иваном Грозным титуловался «царем калмыцким и казацким», так как разбил последних и обложил ежегодной данью [История Казахской ССР, с. 178; История Калмыкии, с. 254]. Очевидно, Тевекель подчинил не ойратов Восточной Монголии, а калмаков казахских степей.

В архиве Великого княжества Литовского в так называемой «Литовской Метрике», в документе, относящемся к 1511 г., в перечне различного инвентаря говорится о калмыцкой узде: «Господару его милости, великому королю Жикгимонту привёл есми, с Киева два кони, у двадцать коп гроше, а седла на них у шесть гривен; а узды на них *Колмацкие*, у гривну»⁹.

Очевидно, известные на Руси калмаки — это не ойраты Западной Монголии, а кочевники, находящиеся на татарских, то есть ордынских, землях, соседствующих с русскими княжествами. В связи с этим представляет интерес широкое распространение антропонимов «Калмак» и «Колмак» в русских землях не позднее чем с начала XVI в. В «Ономастиконе» академика С. Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль» [Веселовский, с. 95].

⁷ В работе дается ссылка: ГПБ. Софийское собр. № 1465. Л. 238 об. Предлагается следующая расшифровка топонимов: Самархант — Самарканд; Гурзустан — область Грузии (?); Чагадаие — Чагатайский улус; Обези — Абхазия; Хорусани — Хорасан; Гоурзии — Грузия; Голустани — Голистан; Багдат — Багдад; Китай — Кара-Китай (юг Средней Азии. — *И. Д.*); Темирькабы, рекше Железная врата — Дербент; Синяя орда — Белая Орда; Шираз — Шираз; Орда Большая — Большая Орда; Испаган — Исфахан; Крым — Крым; Орначь — Ургенч (в 200 км от современного Ургенча, до изменения русла Аму-Дарьи (?). — *И. Д.*); Васьторокан — Тмутаракань (?) (или Астрахань. — *И. Д.*); Гилян — Гилян; Сарай — Сарай; Сизь — Сие в Киликийской Армении; Азов — Азов; Шарбан — Шабран; *Калмакы* — *Калмыкия*; Шамахии — Шемаха; Ногаи — Ногайская Орда; Савас — Сивас-Севастия; Шибаны — земля «шибанских татар» (узбеков); Арзуноум — Эрзерум; Телфизи — Тбилиси; Казань — Казань; Тевриз — Тебриз [Казакова, с. 255].

⁸ Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в розряд и списанная в книгу 1627 года. Изд. 2-е. СПб., 1838. С. 217.

⁹ Литовская Метрика // РИБ. СПб., 1903. Т. 20. С. 740.

Из данного списка видно, что антропонимы «Калмак» и «Колмак» обычно являлись именами или прозвищами, но в одном случае антропоним добавлен к имени, отчеству и фамилии (Овцын) и, вероятно, указывает на этническое происхождение носителя. Это неканоническое имя встречалось даже среди помещиков и бояр: «Иван Колмак Ондреев сын Хорламова, помещик в Черенчицком погосте, 1539; Колмак Иванов сын Старков, боярский сын в Твери, 1585» [Мосин, с. 95]. В списках расходов Кирилло-Белозерского монастыря в 1603–1606 г. упоминаются Колмак Колкацкий и Никифор Колмак [Никольский, с. ОСXLXI, ОСXLI, ОСCLXXXVII]. В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. имеется Иван Колмак¹⁰. В русских дипломатических документах сохранились дела по освобождению из плена рязанских казаков *Колмака* и *Ширяя*, посланных в 1569 г. царской администрацией в Крым через Астрахань¹¹. В новгородской «Записной книге крепостным актам XV–XVI вв.» написано в 1597 г.: «Дал детей своих старинных крепостных: Левонтия Иванова сына, прозвище Калмак...»¹².

Можно предположить, что отдельные представители калмаков и их потомков появились на Руси, как минимум, к первой половине XVI в., а к началу XVII в. это имя имело распространение по всей Руси и во всех сословиях. В связи с этим фамилию Калмаков или Колмаков в русской глубинке первой половины XVII в. следует связывать не с началом проникновения ойрат-калмыков, а с предшествующим наследием: «Колмаков Мишка Микитин сц. Глубокое на речке Глубокой, крестьянин 1628/29; Калмаков Ивашка Филиппов с. Олешна, Ефаново на речке Олешне, бобыль 1628/29»¹³ в Рязанской земле. Даже далеко на северо-западных границах Руси в начале XVII в., когда ойраты лишь начинали свое продвижение к Волге с верховьев Иртыша, в грамоте кольского воеводы В. Т. Жемчужникова к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 7 июля 1613 г. говорится о Микифоре **Колмакове**, целовальнике для сбора дани с лопарей в Терской и Кончакской Лопи (к северо-западу от Кольского полуострова)¹⁴.

Мы видим, что антропоним «Калмак» был на Руси настолько повсеместно распространен до появления на Волге калмыков, что может возникнуть сомнение, не происходит ли имя «Калмак» не от этнонима, а от аналогичного слова с другим значением. Словари С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова не предлагают иного толкования этого слова. В толковом словаре В. И. Даля имеются вариации, которые в русском языке произошли от наименования народа: калмыковатый, калмыцкий-чай, калмыцкие-орехи, калмыцкий-ладан. Только М. Фасмер наряду с традиционным толкованием слова «калмыки» как западно-монгольской народности приводит значение слова «калмык» — «колдун» в Смоленской губернии [Фасмер, с. 169]. Однако и в этом случае прозрачна этимология названия: от калмыков-язычников или буддистов. Возможно, в некоторых случаях имя Калмак, Колмак могло иметь финно-угорскую подоснову от «калма» — «могила» или «колма» — «троичность», «третьяк». Характерно, что в писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии упоминается Колмак Иванов сын Старкова, который никому не служит — ни царю, ни князю¹⁵. Он же, Колмак Иванов сын Старкова фигурирует в «Отписке Великого князя Симеона Бекбулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских Тверитян и Новоторжцев на

¹⁰ Список опричников Ивана IV. СПб., 2003.

¹¹ Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // ИЗ. 1947. № 22. С. 154–160.

¹² Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. СПб., 1898. Т. 17 (сборный). С. 33.

¹³ Сторожёв В. Н. Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1997: [Электронный ресурс]. Т. I. URL: http://blogs.mail.ru/mail/tamb_kolodin/69E602F56D03BF90.html.

¹⁴ Русские акты Копенгагенского государственного архива // РИБ. СПб., 1897. Т. 16. С. 423.

¹⁵ Писцовые книги XVI века / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. Отдел. II. С. 88.

службу в Великий Новгород, с приложением списка их»¹⁶. В этом документе фигурирует **Колмак Иванов сын Старков**, а через несколько строк **Третьяк Иванов сын Старков**. Этот перечень мог бы служить подтверждением финно-угорской этимологии имени, если бы Калмак и Третьяк были одним и тем же лицом, но если они братья, Калмак не может быть третьим сыном и более вероятно, что его имя тюрко-монгольского происхождения. В отписке Симеона Бекбулатовича встречается также много других татарских имен. Прозвище «калмак» могло относиться или к восточным монголам или к татарам со значением «отколовшийся», «отставший». Однако наличие на постзолотоордынском пространстве, то есть в тесном соседстве и непосредственной связи с русскими княжествами, какой-то группы кочевников, именуемых калмаками, позволяет предполагать, что антропоним «Калмак» мог иметь преимущественно этнонимическую основу. Примером не финно-угорского происхождения имени «Калмак» являются имена крымских послов в Москву и русских послов в Крым: «1559 год... приехали ко царю и великому князю... два крымца, Сар да Колмак...»¹⁷. Через 10 лет в 1569 году уже из Москвы в Кафу (Феодосию) были посланы рязанские казаки *Колмак* и *Ширий*, причем выбор пал на них потому, что они хорошо знали дорогу и эти края [Садиков, с. 154-160; Прокофьев, с. 189].

На Руси в XIV–XVI в. географическая литература и картография были развиты слабо, поэтому упоминания о калмаках в русских источниках редки. Хорошо знали о них в Западной Европе, часто от русских перебежчиков, а иногда и от западных путешественников. Приведем лишь краткий перечень западноевропейских источников о калмаках, переведенных и опубликованных на русском языке, но ранее при изучении истории калмыков практически не привлекавшихся.

Английский путешественник Антоний Дженкинсон в 1558 г. указал, что калмыки живут у истоков р. Эмба (то есть в горах Мугоджары) и далеко к северу от Средней Азии¹⁸. Матвей Меховский в 1521 г. сообщал о *язычниках калмуках* с длинными волосами к востоку от Волги¹⁹. Сигизмунд Герберштейн, посетивший Московию в 1517 и 1526 г., отмечал, что «другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют *калмуками*»²⁰. Антоний Вид на карте, опубликованной в 1537 г., поместил калмыков к северо-востоку от дельты Волги и около Калмуску написал, что они носят длинные волосы [Кордт, с. 5; Замысловский, с. 111]. Себастьян Мюнстер в 1550 г. помещал на своей карте калмыков между Яиком и Иртышом [Кордт, с. 6; Замысловский, с. 110–111].

На карте Европы, составленной Меркатором в 1544 г., калмуцкие татары (*kalmucki tartari*) нанесены северо-восточнее ногайских татар (*nagai tartari*), рядом с казаками татарами (*kasakki tartari*), к востоку от Волги и Яика, к северу от Каспия, на месте современных Мугоджар. На картах начала XVII в. к востоку от Волги также помещены калмаки, которые не могли быть ойратами Джунгарии, так как ойраты к этому времени еще не продвинулись так далеко на запад. На карте Хондиуса 1606 г. далеко на севере близ океана к востоку от Югории обозначены колмаки (*Colmak*), а к востоку от Волги и Яика в верховьях Эмбы показаны калмуцкие татары (*Kalmucki Tartari*) и они же — еще восточнее. На карте Герритса 1613 г. калмуки (*kalmucki*) нанесены на севере Каспийского моря к востоку от реки Яик рядом с туркменами [Кордт, с. 5–11; Осипов, с. 45].

¹⁶ Отписка Великого князя Симеона Бекбулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских Тверитян и Новоторжцев на службу в Великий Новгород, с приложением списка их. Москов. стола, столбец № 1131, д. Л. 25–28; 1–16: [Электронный ресурс]. URL: <http://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Aktu>.

¹⁷ Летописец Русский (Московская летопись) // ЧОИДР. 1895. Кн. 3. С. 117.

¹⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 175.

¹⁹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 62.

²⁰ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 182.

Возможно, самым ранним, хотя и искаженным, отображением названия калмаков на картах и в целом в европейских источниках является загадочная надпись на карте Фра-Мауро 1459 г. на реке Итиль, севернее сближения Волги с Доном, то есть там, где расположены современные Камышин или Саратов: «Calmuzi saga» [Пачкалов, с. 311–318]. Это правдоподобно, так как немного позже, в 1474–1475 г., А. Контарини, находясь в Астрахани, отметил, что «есть, говорят, еще другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких Татар... иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда»²¹. Очевидно, что речь идет о калмаках, так как все авторы единодушно называют их главным отличием от татар — длинные волосы. Не противоречит этому, что А. Контарини называет их татарами, так как «калмыцкими татарами» называли их и последующие европейские авторы. Термин «татары» у русских имел самое широкое значение. В. В. Бартольд отмечал: «Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и после отуречивания всей страны» [Бартольд, с. 143]. Калмыцкими татарами продолжали называть и волжских калмыков в XVII–XVIII в., например, Эвлия Челеби, Адам Олеарий.

Самым ярким и неожиданным подтверждением наличию в Золотой Орде калмаков является свидетельство о них в Лихачевском летописце (ок. 1487 г.) при описании «стояния на реке Угре» в 1480 г.: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и колмаки, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»²². Это почти на 100 лет раньше указа Ивана IV Строгановым 1574 г., считающегося самым ранним летописным упоминанием калмаков. Лихачевская летопись написана по свежим воспоминаниям о событии, поэтому здесь имеется деталь, которая в более поздних описаниях опущена: наличие в составе татарского войска калмаков. Очевидно, речь идет не об ойратах западной Монголии, а о калмаках Дешт-и-Кыпчака.

Это сообщение русской летописи может способствовать ответу на вопрос, кем были калмаки и где они располагались. Хан Ахмед привел с собой 6 сыновей и племянника (в летописи братанича) Касима с войсками. Как показывают исследования В. В. Вельяминова-Зернова, Касим происходил из джучидского рода, владел Астраханью и управлял ногайскими территориями. По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касим-хан скончался в г. Сарайчук: «там и поныне находится его гробница»²³. В. В. Вельяминов-Зернов отмечал: «По всей вероятности, этот Касим, владевший Астраханью, был тот самый Кайсым (Касым) солтан, который в 1466 г. под Астраханью ждал проезда нашего путешественника Афанасия Никитина с целью ограбить его, и тот самый Касим (Cassimi sun), которого Контарини в 1476 г. застал владельцем Астраханским» [Вельяминов-Зернов, с. 238–239]. В войске Касима, как установил В. В. Вельяминов-Зернов, видное место занимал полководец, которого Хондемир, иранский автор начала XVI в., в «Шейбани-намэ» называл мангытом Тимур-беком²⁴. Тимур-бек имел настолько высокий статус при Касиме, что Хондемир называл его даже «эмир-ель-умерою», то есть бием улуса²⁵. Камал ад-Дин али Бинаи в «Книге Шайбани-намэ» начала XVI в. называл Тимур-бека эмиром эмиров

²¹ Библиотека иностранных писателей о России. И. Барбаро, А. Контарини, А. Кампезе, И. Иосий. Отд. первое. СПб., 1836. Т. I. С. 98–99.

²² Покровская В. Ф. Летописный свод 1488 г. из собрания Н. И. Лихачева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1974. М., 1975. С. 28–32.

²³ Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Казань, 1854. Т. II. Ч. 1. С. 163.

²⁴ Там же. С. 238.

²⁵ Там же. С. 239.

Касим-хана²⁶. Махмуд бен Вали говорил, что Тимур-бек «был [одним] из наиболее великих и уважаемых его [людей]»²⁷. В. В. Трепавлов писал, что обстоятельства начала карьеры Тимура неизвестны. В 1564 г. внук Тимур-бека вспоминал, что после каких-то невзгод, случившихся в кочевой орде, его дед поехал служить к астраханскому царю, то есть к Касиму бен Махмуду бен Кучук Мухаммеду. Тимур-беку причиталась своя доля дани с Руси, причем Тимур требовал, чтобы она равнялась доле самого хана. Известно, что дань поступала к нему еще в то время, когда Тимур находился в Астрахани. Как писал В. В. Трепавлов, в 1471 г. беклербек настраивал хана на вторжение в российские земли, а через девять лет находился при хане Ахмеде во время «стояния на Угре» [Трепавлов, с. 122–123]. Тимур перед «стоянием» на Угре был уже вторым человеком в Золотой Орде после хана. К 1478 г. Ахмед возвеличил Тимура, сделав беклербеком. Именно когда он был правителем Астрахани, А. Контарини сообщал о перекочевках к Астрахани «диких татар с длинными волосами», то есть калмаков. Учитывая, что Тимур-бек был выходцем из восточного Дешт-и-Кыпчака, где, по сведениям приведенных выше русских и европейских источников, кочевали калмаки, можно предположить, что это он привел их на Угру.

Таким образом, имеется значительный круг источников, свидетельствующих, что на территориях улуса Джучи в восточном Дешт-и-Кыпчаке в XV–XVI в. обитали кочевники, которых окружающие народы, русские и западноевропейские источники называли калмаками. При этом не ясно, являлось ли это наименование этнонимом, имелась ли какая-либо связь между калмаками Дешт-и-Кыпчака и ойратами Джунгарии. В монгольских языках слова «калмак» нет, оно заимствовано из тюркского, где означает «остаток», «оставшиеся». Возникновение этнонима от иноязычного слова — явление распространенное. Многие этнонимы, происхождение которых установлено, получены со стороны, самоназвания не составляют большинства [Никонов, с. 13]. Прозвище «Калмак», применявшееся тюркоязычными мусульманами сначала к различным язычникам на территории постмонгольской империи как нарицательное в значении «отсталые» или «оставшиеся не мусульманами», со временем приняло этнический характер. Самое раннее употребление названия «калмак» отмечается у Шараф ад-Дина Йазди в «Зафар-наме» («Книге Побед», 1425 г.) применительно ко времени Тамерлана, то есть к концу XIV в. В. В. Бартольд отмечал, что в Мукаддима (введении) к «Зафар-наме» название «калмак» употребляется «как будто, не как этнографический, а как географический термин» [Бартольд, с. 538]. В тексте оно употребляется применительно к монголам²⁸ и Монголии²⁹. Вероятно, термин «Калмак» использовался здесь для противопоставления, с одной стороны, потомков монголов-завоевателей, которые приняли ислам, тюркский язык и перешли к цивилизации, с другой стороны — тех монголов, которые сохранили традиционную культуру, верования и язык, то есть, по мнению мусульманских авторов, остались в дикости. Очевидно, первоначально это было имя нарицательное. В дальнейшем тюркоязычные авторы XV–XVI в. обычно называли калмаками ойратов, а землей Калмак — Джунгарию; слово принимало значение этнонима. Название «калмак» имело широкое значение, заменяя представителям государственных образований многочисленные родовые названия постоянно сменяющихся друг друга монгольских кочевых групп. Лихачевский

²⁶ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 100.

²⁷ Там же. С. 362.

²⁸ «И Тайзи Оглан в Великом Юрте взбунтовался против каана, бежал от калмыков и пришел служить к Сахибкирану (Тимуру)» (Шараф ад-Дин али Йазди. Зафар-наме / Пер. с персидского А. Ахмедова. Ташкент, 2008. С. 221).

²⁹ «Шатры и царские палаты, сарапарде и тенты, всё, что можно описать, было там. Потому, что собранная царями Ирана и Турана казна за многие годы от Калмыка до Рума, от Хиндустана до Сирии, от Хорезма до Дашт-и-Кыпчака, от Руса до Черкаса и от Булгара до Фаранга — всё было собрано в этих странах, было свезено сюда и собрано» (Там же. С. 356).

летописец, как видно из текста о «стоянии» на Угре, различал татар и калмаков. Следовательно, калмаками называли какую-то группу кочевников, отличную от тюркоязычных мусульман: татар, болгар, ногаев.

Русские первопоселенцы Сибири различали калмаков черных и белых. Черными называли западных монголов — ойратов Джунгарии, белыми — тюркоязычных телеутов Обь-Иртышского междуречья, алтайцев. Но деление на черных и белых калмаков отмечалось задолго до начала освоения русскими Сибири. А. Дженкинсону, кроме калмаков верховий Эмбы, были известны и черные калмаки, жившие близ Китая³⁰. Р. Джонсон, который в 1556 г. участвовал вместе с С. Бэрроу в путешествии по Сибири, отмечал к югу от р. Обь желтых и черных калмаков³¹. Н. Витсен, выдающийся географ и картограф XVII — начала XVIII в., называл черными калмаками наименее цивилизованные восточные племена, а белыми — западные, более приобщенные к цивилизации [Витсен, с. 343, 362, 390].

Источники не дают прямого ответа на вопрос, кого называли калмаками и кем могли являться калмаки Дешт-и-Кыпчака. Этот вопрос выходит за рамки данной статьи. По совокупности имеющихся источников можно сделать заключение, что термин «калмаки» мог иметь различное значение и мог прилагаться к разным группам язычников. В некоторых случаях калмаками могли называть тюркоязычных телеутов, может быть, какие-то группы татар, ногаев и других тюркоязычных представителей народностей, вероятно, в силу их зависимости от ойратов. Но, главным образом, калмаками называли потомков монголов, не растворившихся на завоеванных территориях, сохранивших традиционную культуру. Подтверждением последнему могут служить сведения анонимного автора первой половины XVI в. «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков»), где сообщается, что ту часть народа из Дешт-и-Кыпчака, которая была обращена в ислам и переместилась в Мавераннахр, называли узбеками. Тех же, кто остался кочевать в степях и сохранил язычество, стали называть калмаками, то есть отсталыми или оставшимися³².

С этими данными перекликается повествование Утемиш-хаджи, автора первой половины XVI в. В «Чингиз-наме» он отмечает, что как во времена Узбека, так и во время написания «Чингиз-наме» в восточном Дешт-и-Кыпчаке существовали одинаковый обычай выражения скорби и слова для выражения соболезнования по умершему, характерные для монголов³³. Есть и другие данные, свидетельствующие, что на завоеванных территориях Средней Азии и северо-востока Дешт-и-Кыпчака монгольский компонент в какой-то степени сохранялся на протяжении столетий [Дрёмов, с. 119–129].

Можно поставить под сомнение, что все потомки монголов, завоевавших Дешт-и-Кыпчак и Среднюю Азию, как принято считать, к XV–XVI в. были полностью обращены в ислам, утратили монгольский язык и перешли на тюркский. Со времени правления хана Узбека, то есть с первой половины XIV в., задолго до появления к западу от Иртыша и к востоку от Волги ойратов на

³⁰ «За китайской землей, которую прославляют как цивилизованную и несказанно богатую, лежит страна, называемая на татарском языке кара-калмак; она населена черными людьми...» (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. М.; Л., 1937. С. 192).

³¹ Он записал «известия некоего пермяка, который утверждает, что ездил в Китай вышеописанной дорогой, а также другим путем ближе к морскому берегу». В его записке сказано: «Река Обь полна мелями, а устье ее [шириною] свыше 70 русских миль; отсюда в трех днях пути по правую руку находится местность, называемая Чернолесье (Chomo-lesse), что значит по-английски blacke woods; неподалеку отсюда живет народ, называемый пеший-конный (Peshy-konny), носящий волосы, по описаниям, вроде как бы по ирландской моде. От пеших-конных до Желтых Калмыков (Jouit Salmachey) — три дня пути, а отсюда до Черных Калмыков (Chomo Salmachey) три дня в юго-восточном направлении» (Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. I. С. 124).

³² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [Т.] 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном, обр. А. А. Ромасквичем, С. В. Волиным. М.; Л., 1941. С. 141.

³³ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме: факсимиле, перевод, транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина; подгот. к изд. Ю. Г. Баранова; комментарии и указ. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992. С. 105.

рубеже XVI–XVII в., здесь постоянно или почти непрерывно проживали калмаки. Этим именем, главным образом, в Золотой Орде называли кочевников, соблюдавших монгольские традиции, сохранивших язык, культуру и языческую религию. Калмаки Улуса Джучи оставили свой след в ономастике России и истории южнорусских регионов.

Литература

- Бартольд В. В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
- Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. II.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Под ред. В. И. Буганова и Б. В. Левшина. М., 1974.
- Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Пер. с голландского В. Г. Трисман. Амстердам, 2010. Т. I.
- Гольденберг Л. А.* Статья С. У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. XVIII. С. 228–333.
- Дрёмов И. И.* Золотая Орда и возникновение этнонима «Калмак» // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 119–129.
- Замысловский Е.* Описание Литвы, Самогитии, Руси и Московии — Себастьяна Мюнстера (XVI века) // ЖМНП. 1880. Ч. 211. Отд. 2. С. 66–123.
- Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1983.
- История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. I.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. III.
- Казакова Н. А.* «Татарским землям имена» // ТОДРА. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 253–256.
- Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003.
- Кордт В. А.* Материалы по истории русской картографии // Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1889. Вып. 1.
- Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской Академии наук. 1919. Вып. 1. Сер. 6. Т. XIII. С. 1071–1092.
- Макшеев А. И.* Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. VI. С. 1–141.
- Мосин А. Г.* Словарь Уральских фамилий. Екатеринбург, 2000.
- Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй половины XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. I. Вып. II.
- Никонов В. А.* Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 3–23.
- Осипов И. А.* Антоний Дженкинсон и карта России 1562 года. Сыктывкар, 2008.
- Пачкалов А. В.* К вопросу о локализации топонима Calmuzi Sara на карте Фра-Мауро (1459 г.) // Annali di ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'universita ca' Foscari di Venezia. Venezia, 2007. XLVI, 1. P. 311–318.
- Прокофьев Н. И., Алехина Л. И.* Посольство Ивана Новосильцева в Турцию. Комментарии. // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.
- Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. / Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // Исторические записки. 1947. № 22. С. 154–160.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2002.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. II.